

Имя собственное как языковая категория

Аннотация. В статье определяется значение и место ономастической лексики в системе языка, дается структурно-семантическая и функциональная характеристика онимов русского языка. Внимание к функциональной стороне имен собственных позволило выделить свойственные им функции: номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую.

Ключевые слова: имена собственные, оним, язык, речь, номинативная функция, идентифицирующая и дифференцирующая функции.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Как особый класс слов имена собственные были выделены еще стоиками (Хрисиппом), однако и позднее – в эпоху Возрождения, в новое время (Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Лейбниц), в течение всего XIX века (Дж. Ст. Милль, Х. Джозеф) продолжалось их изучение, в ходе которого между учеными возникали споры по разным вопросам.

Самой трудной задачей оказалось определение своеобразия значения имени собственного. Много усилий к ее разрешению приложил крупный английский логик Джон Стюарт Милль (1806–1873). Он считал, что собственные имена не обладают значением, а представляют собой своеобразные ярлыки, помогающие узнавать предметы и отличать их друг от друга. С именем-ярлыком не связывается характеристика названной вещи, они не «коннотируют» (не обозначают, не описывают ее), а лишь «денотируют» (называют) ее.

Другой английский логик Х. Джозеф, не соглашаясь с Миллем, отказывавшим собственным именам в семантике, высказывал прямо противоположное мнение: он находил, что «собственное имя имеет даже больше значения, чем нарицательное» [1].

В наше время можно говорить, по крайней мере, о трех группах исследователей семантики онима:

- авторы, отрицающие наличие значения у имен собственных (Г. Амман, Е. М. Галкина-Федорук и др.);
- авторы, признающие наличие у собственных имен значения, но отрицающие их связь с понятием-сигнификацией (А. А. Реформатский, А. В. Суперанская, О. С. Ахманова и другие);
- авторы, утверждающие, что собственные имена обладают и значением, и понятием (В.А. Никонов, Л.М. Щетинин, О. К. Жданов, М. К. Шарашова и другие).

В изучении различных сторон имени собственного эти исследователи единодушны в следующих утверждениях:

1. Имена собственные являются единицами языка, чаще всего – словами и потому должны рассматриваться как вполне законный объект языкознания; анализ имен собственных с философских, логических, психологических и иных позиций не

заменяет их лингвистической характеристики, которая лучше других способна выразить их языковую сущность.

2. Имена собственные относятся к номинативным (от лат. – «назывным»), а не коммуникативным единицам языка и входят в большинстве языков мира в класс конкретных имен существительных.

3. Специфика имени собственного заметна как на уровне языка, так и на уровне речи – в конкретных контекстах и ситуациях.

4. Специфика имени собственного касается и его структурно-языковой стороны, и функциональной.

5. В структурно-языковом плане специфика имени собственного дает себя знать обычно в области семантики (поэтому многие ученые собственное имя считают лексической, а не лексико-грамматической и тем более не грамматической категорией) и в меньшей степени в области морфологии (включая словообразование) и синтаксиса.

6. Внимание к функциональной стороне собственных имен позволило выделить свойственные им (только им или одновременно и им, и именам нарицательным) следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных называются функции: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая.

Изложенные выше утверждения, конечно же, не исчерпывают всего круга вопросов, связанных с выяснением специфики имени собственного. Нужно отметить такие немаловажные особенности имен собственных, как: а) их генетическую вторичность по сравнению с нарицательными (большая часть собственных имен получена на базе имен нарицательных); б) их функциональную вторичность (собственное имя всегда является вторым, обычно более конкретным наименованием предмета, который уже назван «раньше» нарицательным словом); в) их структурно-языковую (лексико-семантическую, а также грамматическую) и функциональную специализацию; г) несколько своеобразное положение ономастических единиц (слов и других языковых знаков функционально сходных с онимами) в языке: их нельзя относить к одному – лексическому – ярусу языка, поскольку их своеобразие проявляется также и в грамматике, и в фонетике (хотя слабее, чем в семантике); д) несколько иное воплощение в собственных именах таких языковых явлений, как многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, вариативность и некоторых других; е) иную по сравнению с апеллятивами статистическую (количественную и частотную) закономерность употребления, а также, видимо, иное распределение по функциональным стилям (есть много текстов, совсем не использующих собственных имен, то есть построенных из одних апеллятивных единиц, и малочисленные виды текстов, составленных из одних имен собственных) [2].

Правильно подмечая специфику имени собственного в его значении, исследователи расходятся в ее толковании.

В одних случаях за «семантику» имени собственного принимается его структурно-языковое содержание. Сравнивая ее с абстрактно-структурным (собственно языковым), понятийным по своей сущности содержанием апеллятивов, находят, что специфика собственного имени беднее из-за неявной представленности в ней понятийного начала (ср. река – «постоянный водный поток значительных размеров» и Дон – «одна из рек в европейской части СНГ»).

В других случаях о семантике собственного имени судят по конкретно-речевому

употреблению, в котором происходит предельно «телесное» восприятие называемых объектов действительности. Например, Эльбрус (русское народное Шат-гора) – это не отвлеченная гора, а прежде всего одна из конкретных гор Кавказа, имеющая определенную высоту (5630 м над уровнем моря), конфигурацию (две вершины). Ср.: «И уж в виду зубчаты цепи Кремнистых бесконечных гор, И Шат подьмется за ними с двумя главами снеговыми» (М. Ю. Лермонтов).

В определенной связи с подходом и квалификацией семантики собственного имени лишь с позиций языка или речи находится подчеркивание понятийности нарицательных и непонятийности собственных имен. Наричательные – это слова-классификаторы («объединители, генерализаторы»), собственные – слова-дифференциаторы («разъединители, индивидуализаторы»). Наричательные обозначают предмет «через понятие», собственные – через прямую соотнесенность названия с предметом.

Противоположные концепции собственного имени возникли из-за разнородности подхода к его характеристике. У одних имена собственные оказались лишь опознавательными этикетками («крестиками»), и произошло это из-за полного невнимания к их реальной (речевой) жизни, у других – словами с перегруженной семантикой (включающими всю энциклопедическую информацию) – по причине полного невнимания к их языковому статусу, то есть к их месту и значению в языке как коммуникативно-знаковой системе.

В концепции антисемантичности (полной непонятийности) имени собственного игнорируется такой факт, что названный и особенно называемый предмет всегда, хотя и с разной степенью отчетливости, соотнесен с другими предметами данного вида, а также с другими типами сходных и несходных предметов. В этом – одно из проявлений познавательно-классификационной деятельности мыслящего человека и реальное воплощение аккумулятивной функции (в смысле хранения знаний, человеческого опыта) языка. Москва... Это город. Он состоит в одном классификационном ряду с другими городами – Киевом, Минском, Одессою и другими. «...Собственное имя содержит обобщение... Оно одновременно вводит в ряд и различает внутри ряда» [3].

Своеобразным подтверждением «рядности» онимов является их неединичное, а «связанное» хранение в памяти, в уме.

Значение собственных имен как единиц языка (чаще всего слов) столь же сложно и диалектично, как и значение нарицательных слов.

В современной теории слова признается, что значение слова – это то его содержание, которое примерно одинаково понимается и говорящим и слушающим и включает в свой состав три типа отношений:

- денотативное (отношение значения слова к предмету: от лат. – «отличать, обозначать»);
- сигнификативное (отношение к понятию, от лат. – «обнаруживать, давать, знать»);
- структурное (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка).

Имя собственное, являясь единицей языка – словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает всеми названными типами отношений, однако их качество в собственном имени несколько своеобразно по сравнению с соответствующими компонентами значения нарицательных слов, что и обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику и объединяет их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка. Так, в работах

Л. А. Булаховского находим следующее замечание: «Те слова, что мы называем собственными именами, конечно, менее, чем слова нарицательные, способны быть средством обобщения; их задача как раз останавливать внимание на индивидуальном, извлекать его из множественного, противопоставлять множественному. Но и собственные имена как слова обобщают в том смысле, что указывают своей природой определенной части речи и т. п. на принадлежность понятия к той, а не другой сфере восприятия» [4].

Двойственность сигнификативной функции в аспектах языка и речи почти не учитывалась теоретиками значения онима. Они рассматривали имена на разных уровнях: языковом (Дж. Ст. Милль) и речевом, или контекстуальном (в частности, О. Есперсен) – и, естественно, приходили к неодинаковым выводам. Основные противоречия снимаются, если подходить к собственному имени с учетом противопоставления язык-речь.

Язык, по Ф. де Соссюру, отличается от речи «прежде всего своей социальностью. Речь же «индивидуальный» акт воли и понимания» [5]. В совокупности речевых процессов язык и речь – два полярных аспекта. Это положение Ф. де Соссюра применительно и к личным именам.

На уровне языка личные имена **Иван, Петр, Мария**, подобно нарицательным словам, выражают общие понятия. Они как бы абстрагированы от конкретных объектов. Содержание общего понятия, например имени **Иван**, включает в себя:

- понятие имени человека (в отличие от топонимов, зоонимов и т. д.),
- понятие личного имени (в отличие от фамилии, отчества, прозвища);
- понятие имени данного, то есть называемого, а не иного субъекта: в отличие от имени **Петр, Мария** и др.

Интересно сопоставить имена: Иван и Иваново; Ангара и Ангара, Мария и Марьян и т. д. Если бы каждое из приведенных собственных имен не включало в себя своего общего понятия, то у читающего и слышащего приведенные слова-имена не могло бы возникнуть мысли, отображающей существенные признаки имени человека (или названия города, реки, фамилии, отчества), а было бы лишь представление о номинативно-различительном знаке (ярлыке).

На уровне речи (и связанного с нею контекста) личные имена индивидуальны. Каждый **Иван** – конкретное лицо. В этом сходство имен с аппеллятивами.

Особенность личных имен заключается в том, что они в большей мере, чем нарицательные слова, обнаруживают бинарность языкового (общего) и речевого (частного). Понятийность имени «стремится к нулю» (А.В.Суперанская), хотя и не достигает нуля: именам свойственна более высокая степень абстракции, нежели нарицательным словам. Естественно, в языке нет и не может быть черт, свойственных всем **Иванам**, всем **Петрам** или всем **Софьям**. «Собственные имена... не дают, не заключают в себе... признаков, которые принадлежали бы этим отдельным предметам» [6].

В речи личные имена содержат максимум конкретности. Называя именем **Николай** определенного человека, мы ассоциируем с этим именем множество присущих данному субъекту черт: его внешний вид, возраст, характер, привычки и даже нашу симпатию или антипатию к нему. В этом смысле справедливо высказывание О. Есперсена о том, что «имена собственные «коннотируют» наибольшее число признаков... Чем больше вам приходится слышать о нем (каком-то человеке) и видеть его, тем больше его имя наполняется для вас содержанием» [7]. Принадлежность

того или иного имени нескольким известным нам людям формирует в речи определенное отношение к антропониму.

Это отношение к имени у разных людей, как правило, бывает различным. Не случайно индивидуумы нередко спорят об именах, приводя «доказательства» о достоинствах одних имен и о недостатках других. Отдельные личные имена при этом приобретают даже такие «смысловые» и эмоциональные оттенки, что оказываются антонимичными, например, **Моцарт** и **Сальери** у А. С. Пушкина. Каждое личное имя в речи окружено «ореолом» субъективных представлений.

Исходя из концепции Ф. де Соссюра, в денотативном отношении язык отличается от речи как потенция (средства общения в возможности) от реализации (те же средства в действии). В этом аспекте личные имена также имеют свои особенности.

Потенциально в языке для обозначения какого-либо предмета или лица – денотата – имеется, как правило, только одно апеллятивное слово, редко – несколько слов-дублетов. Для называния субъекта собственным личным именем существует большой набор слов: мужских и женских имен.

Поэтому при реализации апеллиатива, то есть его использовании в речи – одна возможность: обязательное употребление данного, а не иного слова. Например, каждый называет березу – березой, мальчика – мальчиком и т. д. При реализации личных имен существует две возможности:

1. **избирательность** в момент присвоения имени. Так, каждый человек, выбирающий имя для новорожденного, волен избежать, к примеру, имени **Петр**, если оно ему не нравится, и взять любое другое имя. Каждый Петр – скажем, Петр I – русский император, – потенциально мог бы быть Александром, Николаем, и все в языке осталось бы так же «правильно», нормально;

2. **обязательность** использования имени в конкретной конситуации, где личное имя – название, служащее для обозначения и различения реального лица. Замена его другим на уровне речи невозможна, так как влечет за собой потерю или искажение информации, нарушение коммуникативной функции речи. Об этом свидетельствует хотя бы пример Х. Серенсена, заменяющего фразу «Наполеон был разбит Веллингтоном при Ватерлоо» фразой «Дудя был разбит Додей при Даде». Как видим, данная фраза не имеет никакого смысла, так как эти имена нам неизвестны и не заключают в себе никакой информации.

В структурном отношении личные имена противопоставлены другим словам языка (собственным и несобственным), во-первых, внутри одной языковой микросистемы (например, в литературном языке, в одном из диалектов и т. п.), во-вторых, в языке как системе систем.

В этом плане личные имена в отличие от апеллиативов и других онимов обнаруживают свои, специфические противопоставления:

– другим официальным личным именам, например, имя **Петр** противопоставлено именам **Александр, Виктор, Валентина** и др.;

– неофициальным личным именам, например, слово Петр – словам **Петя, Петруша, Петрик** и под.;

– другим разрядам антропонимов (фамилиям, отчествам, прозвищам), например, **Петр – Петров, Петрович, Петух**;

– всем собственным именам (топонимам, космонимам, зоонимам и другим онимам); например, **Петр – Петропавловск** (город);

– всем апеллиативам (существительным и прилагательным), например, **Петр – стол, зеленый** и т. д.;

– всей совокупности апеллятивной лексики, например, **Петр – зеленеть, зелено, зеленеющий, конечно, да** и др.

Указанные типы противопоставлений влияют на стилистические показатели имен, их социально-сословную, жанровую или ситуативную прикрепленность.

Таким образом, если в языке значение личного имени общо, абстрактно и не содержит признаков, свойственных носителям одного и того же имени, то в речи всякое имя конкретно и «коннотирует» признаки, индивидуальные и субъективные в каждом частном случае его употребления. В языке имя обнаруживает общее понятие, в речи – конкретное, единичное, частное [8].

Ссылки на источники

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С. 60.
2. Уракова Ф. К. Личные имена существительные и аспекты их изучения в начальных классах адыгейской школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2000. – С. 8.
3. Никонов В. А. На пути к теории собственных имен // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР: тез. докл. и сообщений. – Рига, 1966. – С. 12–13.
4. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. – М., 1953. – Ч. 2. – С. 17.
5. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М., 1933. – С. 38–39.
6. Суперанская А. В. Языковой знак и имя собственное // Проблемы языкознания: докл. и сообщения советских ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов. – М., 1967. – С. 27.
7. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958. – С. 72.
8. Щетинин Л. М. О значении собственных имен // Вопросы изучения русского языка: докл. VII научн.-метод. конф. Сев.-Кавказ. зонального объединения кафедр русского языка. – Ростов н/Д., 1964. – С. 39–40.

Fatima Urakova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Russian language and methods of teaching, Adyghe State University, Maikop
urakova.fatima@mail.ru

Ireedui Altan-Avdar,

Phd student of the Department of Russian language and methods of teaching
Adyghe State University, Maikop
IKA9697@yahoo.com

The name of the native language as category

Abstract. The article is determined by the value and place of onomastic vocabulary in the language system, given the structural-semantic and functional characteristics of Olmrov Russian language. Attention to the functional side of proper names has allowed to allocate proper function: nominative, identifying and differentiating.

Key words: personal names, one, language, speech, nominative function, identifying and differentiating function.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

